

— Раз уж так вышло, рекомендую тебе осесть в этом мире. Ты ведь никому не открывал свое сердце, думая о возвращении. Разве на самом деле ты не жалел об этом?

— ...Ты что, сталкер?

— Ха-ха, дитя мое. Я знаю всё.

Это же одно из оправданий сталкеров. Отбросив паршивое настроение, я прищурился и посмотрел на ублюдка-бога. Ублюдок-бог сияюще улыбался, словно ребенок. Что-то тревожно. Мы встречались всего дважды, но когда эта сволочь улыбается, ничего хорошего ждать не приходится.

— Что ж, живи хорошо. Жить так, как тебе вздумается, тоже будет весело.

— погоди, раз уж нарушил контракт, выкладывай плату.

— Плата еще в процессе изготовления.

— Шутишь? Зачем ты позвал меня, не закончив ее?

— Ха-ха-ха, прощай.

Ублюдок-бог бодро поднял указательный палец и покрутил им, рисуя круг. Тут же под ногами появилась круглая дыра размером с меня. В белом пространстве эта темная дыра очень бросалась в глаза.

— Эй, ты, сукин...

— К сведению, здешнее время и тамошнее немного рассинхронизированы. От одной секунды до целого месяца. Желаю удачи.

...сын! Не успев договорить, я провалился в черное пространство. В этой пустоте было невозможно понять, что происходит. Тьма, в которой ничего не видно, ничем не отличалась от той, что видишь с закрытыми глазами. В конце концов я сдался и полностью расслабил тело.

Вскоре пространство, где не ощущалось ни веса пера, ни даже воздуха, начало давить на меня, сжимая со всех сторон. Все тело пронзило покалывание. Это было характерное ощущение при перемещении души.

«Ублюдок-бог, сукин сын, ёбаный ублюдок. Не ублюдок-бог, а уёбок».

Складывая эту бессмысленную рифму, я с трудом поднял тяжелые веки. Резкий свет ударил в глаза, и я слегка нахмурился, а затем и вовсе скривился от подступающего раздражения. Насколько же сильно рассинхронизировалось время? От этого никакой пользы в жизни.

Я попытался приоткрыть рот, но вырвался лишь сухой кашель. Схватившись за гудящую, раскалывающуюся голову, я тупо соображал. Тело было непривычно тяжелым, а глаза, всё еще не привыкшие к свету, были жалко сощурены. Раздался звон чего-то разбившегося, эхом отдаваясь в голове. Голова болит.

— О, Дикки? Дикки!

Услышав знакомый голос, я с трудом разлепил сощуренные глаза. Перед глазами предстала заплаканная Нарцисса. Я обвел взглядом комнату — она тоже была знакомой. Еле соображающий мозг пытался осмыслить ситуацию. Значит, я в поместье Малфоев, и, судя по словам ублюдка-бога, я не просыпался от одной секунды до целого месяца. Пиздец. В голове завывала сирена тревоги.

— Посмотришь на вас, так можно подумать, что я умер и воскрес.

— Ты не дышал несколько дней! Я думала, что-то случилось... как же я...

Нарцисса обессиленно опустила на пол. Не дышал? В памяти смутно всплыла улыбка ублюдка-бога. Я мысленно проклял его. Так значит, когда душа перемещается, тело не дышит? Повторюсь, никакой пользы в жизни от этого не было.

Под глазами у Нарциссы залегли темные тени. Она пошатывалась, и казалось, что от легкого толчка она упадет. Мне стало совестно, что я заставил ее так волноваться. Я не знал, как объяснить то, что не дышал. В голове пронеслось несколько оправданий, но ни одно не казалось удачным. «У меня просто такая конституция»? «Теперь я здоров»? «Это потому, что у меня был выход из тела»? Все это звучало как бред сумасшедшего.

— Э-э, м-м... ничего страшного, успокойтесь.

— Драко?

Щёлк.

Теперь я отчётливо расслышал звук открывающейся двери. Ясным сознанием я уставился на Люциуса Малфоя. Люциус выглядел не многим лучше Нарциссы. Увидев его мертвенно-бледное лицо, я вновь почувствовал укол вины и отвел взгляд.

— Ты... жив. Этого достаточно.

— Вы в порядке? Вам стоило хоть что-нибудь поесть.

Пока они оба отказывались от еды и питья, я беседовал с ублюдком-богом. Остатки совести, размером с бороду Мерлина, настойчиво кололи меня. Я рефлекторно опустил глаза и вежливо сложил руки. Хотя я и не был в этом виноват, почему-то казалось, что я должен извиниться.

— Простите, что заставил вас волноваться.

— Спасибо, что ты просто очнулся. Дикки, если ты будешь извиняться, я не смогу быть благодарной, не так ли?

— И все же...

— Дикки, спасибо. Спасибо, что ты жив, спасибо, что очнулся. Мы благодарны просто за то, что ты существуешь.

Нарцисса шмыгнула носом и очень нежно прикоснулась ко мне, теребя. Это было похоже не столько на проявление любви, сколько на проверку, существую ли я на самом деле. От такой чрезмерной осторожности мне стало как-то не по себе. Ведь сына, которым они так дорожили, здесь уже не было. Я чувствовал себя обманщиком.

— Я тоже благодарен.

Я слегка отстранил Нарциссу и, словно желая показать, что со мной все в порядке, встал с кровати. И тут же рухнул — ноги подкосились. Понятия не имею, как долго я не двигался. Стиснув зубы, я попытался подняться, оперевшись на руки. Примерно через пол секунды и руки безвольно подогнулись. Блядь...

— Дикки! Ты в порядке?

— Сколько, черт возьми, времени прошло?

— Около двух недель.

Две недели... Судя по тому, что я узнал, душа тяготеет к легким, так что при перемещении легкие испытали шок, и дыхание остановилось. Тело было живым, так что сердце, должно быть, билось. Если бы дыхание остановилось, я бы стал трупом через несколько минут, но, похоже, было использовано какое-то заклинание для поддержания дыхания.

Если бы я перестал дышать в больничном крыле, Помфри и Снейп пришли бы в ужас. Там даже было несколько студентов Хогвартса. У меня сильное предчувствие, что по возвращении в Хогвартс будет много хлопот.

Размышляя о делах в Хогвартсе, я вскинул голову от внезапной мысли. Сейчас я был драгоценным единственным сыном семьи Малфой, что означало наличие огромной власти и влияния. И этот единственный сын, судя по внешним признакам, чуть не умер, перестав дышать. А Люциус Малфой — председатель попечительского совета Хогвартса. Не было бы ничего странного, если бы чья-то голова полетела с плеч. Неужели Дамблдор остался бы в стороне? Пытаясь настроиться на позитив, я тихо заговорил.

— А что профессора?

От странно воцарившейся тишины тревога только усилилась. Я надеялся, что кто-нибудь опровергнет мои догадки. Честно говоря, если уж и винить кого-то, то этого ублюдка-бога, а профессора Хогвартса тут ни при чем. Нарцисса, помогая мне подняться, невозмутимо прошептала:

— Ты ведь пострадал. Ты был на грани смерти, как Люци мог оставаться в стороне?

— Кого-нибудь уво... то есть, отстранили от должности?

— Еще не отстранили, но речь о том слуге.

Примерно через 3 секунды я понял, что «слуга» — это «Рубеус Хагрид». Хагрид, зачем ты притащил на урок Гиппогрифа... Я не нашел слов для возражения и тупо разинул рот. Люциус, глядя на меня, расправил плечи. Его благородное лицо сияло, словно ожидая похвалы.

— Не волнуйся. Как только состоится суд, этого слугу упекут в Азкабан. По обвинению в покушении на убийство он до конца жизни не выйдет из тюрьмы. Так что потерпи всего несколько недель, Драко.

Казалось, из меня ушла вся кровь. Я смотрел на Люциуса лицом, которое, несомненно, стало мертвенно-бледным.

— Гиппогриф напал на меня из-за моей неосторожности.

— Но ребенок из семьи Паркинсон сказала, что это была вина того слуги.

— Вы же знаете, что животные меня не любят.

— Привести Гиппогрифа на урок для третьего курса — это уже вина того слуги.

— Эм... я не дышал не по вине профессора.

— Тогда чья же это вина?

— Этот слуга тебе угрожал?

— Нет?

Я отчаянно пытался защитить Хагрида, но это было все равно что говорить со стеной. Чувствуя, что до них не достучаться, я мысленно вздохнул.

— Отец, то есть...

— Ты только очнулся, и я не хочу слушать разговоры об этом слуге.

— Верно, Дикки. Давай лучше поужинаем.

Да... Я почувствовал, как Нарцисса взяла меня за руку. Я мысленно вздохнул и постарался переключиться. Я ведь еще не еду в Хогвартс, так что шанс еще будет.

Под предлогом восстановления я не ходил в Хогвартс три дня. Это число я выторговал с большим трудом. Если бы я остался в поместье Малфоев на несколько месяцев, взгляды следовали бы за мной повсюду. Я и так уже привлек достаточно внимания, но привлекать его еще больше, не посещая Хогвартс, не хотелось.

Я несколько раз сходил в ванную и обратно, приводя мысли в порядок. Ванная была единственным местом, куда не входили родители. Там были установлены надежные заклинания звукоизоляции, заклинание устранения запахов и заклинание для снятия напряжения, так что лучшего места, кроме ванной, и придумать было нельзя.

Чета Малфоев поддавалась убеждению не так легко, как я думал. Похоже, их слепая любовь к сыну играла большую роль. «Но этот сын не хочет этого!» — отчаянно говорил я, но это не действовало.

И вот прошло ровно три дня. Уходить, оставив за спиной нерешенную проблему, было как-то не по себе. Хотя тот факт, что я смогу вырваться из-под гиперопеки, стоило приветствовать обеими руками. В поместье Малфоев прибыл Северус Снейп. Кажется, я еще никогда не был так рад видеть Снейпа.